

Т.Е. Трощинская-Степушина (Витебск)

БЕЗЫМЯННОСТЬ КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

Статья посвящена рассмотрению категории безымянности как способа именованя персонажа художественного текста. Материалом исследования послужили произведения современных белорусских авторов, пишущих на русском языке: А. Андреева, В. Казакевича, А. Геращенко, Е. Поповой, Э. Скобелева. Категория безымянности трактуется в широком смысле представляет собой все метаморфозы именованя на шкале номинации от собственно имени до отсутствия такового. Доказывается, что в произведениях разных авторов безымянность маркирует различные аспекты образа: физическое несуществование, метафизическое существование («инобытие»), отсутствие индивидуальности и др. Доказывается, что безымянность, являясь сложным, семантически неоднородным лингвистическим явлением, не только служит своеобразным способом именованя персонажа, но и средством создания оригинальных художественных образов в современной белорусской русскоязычной прозе.

Ключевые слова: *безымянность, номинация, персонаж, художественная проза.*

Стремительный процесс исчезновения имен в литературе, по мнению Бруно Хиллебранда, автора известного труда по теории романа, положил Кафка, зашифровав своего героя как К. «Имена в романе больше не имеют того значения, каким они обладали в литературе двух предыдущих веков. (...) Это связано с общим симптомом деструкции субъекта», – писал Б. Хиллебранд [Цит. по: 3, с. 151].

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Понятие безымянности связано с понятием имени и включает в себя следующие метаморфозы имени: незнание имени; сокрытие имени (анонимность); неимение имени [3, с. 100]. Как видно, изучение категории безымянности невозможно без обращения к категории имени, в связи с чем ученые отмечают у безымянности наличие тех же функций, что и у имени.

Вслед за Н.В. Васильевой, все случаи отсутствия «нормального» (наличия «странного», по Д. Лампину) имени у персонажа мы будем трактовать как явление безымянности. Представляется интересным выяснить, какую роль играет категория безымянности как способ именованности персонажа в исследуемой художественной прозе и как приемы, связанные с отсутствием традиционного имени в тексте, участвуют в создании образов.

Цель данной статьи – показать специфику реализации категории безымянности на материале современной белорусской русскоязычной прозы.

В произведениях белорусских авторов, пишущих на русском языке, нами были выявлены интересные случаи безымянности. Наиболее рельефно категория безымянности проявляется в прозе А. Андреева, играя важную роль в языковой репрезентации художественных образов. Одной из специфических черт произведений автора является то, что вместо обычного, «нормального» имени появляется псевдоним, являющийся пародией на своего носителя. К этой категории можно отнести прозвище, которое герой повести «Пустота» Лев Романов дал своей начальнице Ларисе Георгиевне Державной, заведующей кафедрой филологических наук университета: Лично я звал ее не иначе как Будда – и вовсе не за поразительное внешнее сходство, и отнюдь не за то, что была она из местечкового Буда-Кошелево, а за страсть поучать и повелевать [2, с. 12]. Однако, думается, герой здесь несколько лукавит: представляется, что данное прозвище мотивировано не одной причиной, а их совокупностью: слишком «говорящим» является имя и его последующая подробная расшифровка. К деятельности повествователя как ономотета (букв. «дающий имена») можно отнести и

прием интродукции этой героини: появившись уже в первом предложении повести, кличка сменяется «нормальной» трехчленной формулой именованья, чтобы после этого исчезнуть, снова уступив место прозвищу. Как остроумно замечает герой другого романа А. Андреева «Всего лишь зеркало», Псевдоним потянул за собой псевдожизнь [1, с. 272]: Будда – одинокая пожилая женщина, несчастливая в семейной жизни – все разочарование выплескивает на обитателей своего «королевства» – подчиненных: Даже когда она молчала, подданные трепетали [2, с. 12]. Номинация отсылает ко времени абсолютной монархии и напоминает знаменитую фразу французского короля Людовика XIV: «Государство – это я».

Безымянность является глубинным художественным мотивом романа А. Андреева «Всего лишь зеркало» и проявляется в разных ипостасях. Само название романа рождает имплицитные смыслы, одним из которых является тема двойничества, воплощаясь (в том числе) и в мотиве безымянности.

Сокрытие имени являет собой прием текстовой интродукции главного героя-нарратора в диалоге:

– *Меня зовут...*

Тут я назвал свою фамилию, имя и адрес, по которому я получил телеграмму [1, с. 181]. Данный ономастический эпизод антиципирует (предвосхищает) развитие линии героя: скрывая свое имя, он провоцирует появление собственного двойника (тема двойничества красной нитью проходит через все творчество А. Андреева). На протяжении всего романа герой предпочитает скрывать свое имя – он «широко известен в узких кругах» – под классической формулой господин N. Нами было выявлено шесть таких номинаций в разных контекстах. Например, Алик в своих письмах (которые он писал, перед тем как покончить с собой) обращается к герою, используя идентификаторы-адъективы: «дорогой господин N» и «добрейший N». Сам же герой, ставя ловушки другим персонажам и читателю, постоянно меняя лики, продолжает прятаться под маской анонимности. Например, говоря о себе, использует форму 1-ого лица: «...я, господин N...», общаясь

со своей девушкой Олей, – форму 3-ого лица с неопределенным местоимением в препозиции, «стилизуя свои откровения под рутинный треп телевизионного диктора»: Некто господин N пообещал своей возлюбленной..., что съест свою шляпу, если их отношения окажутся серьезными и глубокими... [1, с. 248]. В ответ на эти откровения Оля спросила его: – *А зачем я тебе нужна, господин N? (тут она назвала меня по имени и очень ласково; это меня удивило, потому что мне казалось, что мое имя не может быть подвержено сентиментальным трансформациям)?* Последняя номинация героя в романе представляет собой развернутую, осложненную его собственными рефлексивными комментариями конструкцию, в которых вроде бы приподнимается перед читателем завеса тайны: кажется, еще немного – и герой снимет маску безымянности. Однако эта иллюзия быстро развеивается: его имя так и остается неизвестным.

Если свое имя главный герой намеренно скрывает, то для своего умершего друга-двойника придумывает семантически прозрачное именование *Zero* (фр. «zero» – «ноль»). Трагизм неимения имени восходит к культурам, где лишение имени было равносильно лишению жизни. В данном случае происходит ономастическая манипуляция, результатом которой является метаморфоза имени. Таким образом, именование *Zero* является онимическим фантомом (термин Н.В. Васильевой), материализующимся в сознании господина N: мой несуществующий, но несомненно реальный друг *Zero* [1, с. 275]. Кроме этого, обозначая отсутствие Алика среди живых, данное именование характеризует не только его «носителя», но и того, кто иронически наполняет его содержанием, – господина N, который способен рассматривать смерть (издревле окруженное предрассудками явление) как закономерный исход жизни, отнюдь не эквивалентный забвению: «Память друзей – вот лучший памятник» [1, с. 189].

Таким образом, пряча героев за дескрипциями-цитациями, А. Андреев с успехом применяет различные текстовые стратегии, связанные с переходами имя ↔ безымянность, которые являются не только своеобразным способом именованья, но и характеристики художественных

образов. Наиболее распространенной формой существования безымянности в идиостиле А. Андреева является сокрытие имени.

В прозе Е. Поповой также выявлены случаи безымянности: 1) Шрибинда (летающий йог-фантом); 2) Вася У. (художник); 3) Г-н Ф-о (роман «Восхождение Зенты»); 4) Малышка. Рассмотрим последний пример. Главная героиня романа «Большое путешествие Малышки» не имеет имени и именуется просто Малышкой. Данный оним, мотивированный апеллятивом «малышка» (ласковое обращение к девочке), дан героине не только с целью подчеркнуть ее детские черты (открытость, наивность), но и для того, чтобы подчеркнуть невыраженность собственного Я.

В прозе А. Геращенко особо выделяются мистический и научно-фантастический пласты, где нами было выявлено наибольшее количество случаев безымянности, относящихся к нереальным объектам: 1. Змеиный царь из одноименного мистического рассказа, вошедшего в сборник «Пропойские истории» по мотивам старинных белорусских легенд; 2. Лайр – имя министра обороны вымышленной планеты Войс из научно-фантастического рассказа «Голубая кнопка» и др.

Отдельно необходимо остановиться на антропонимиконе фантастической повести автора «Паутина Циолковского, или Первая одиссея «Мира»», в которой отражена модель собственной Вселенной писателя. В космическом пространстве разворачиваются драматические события, сопровождающие полет космического корабля в неизведанную Галактику под названием Паутина Циолковского. Вымышленный мир представлен системой номинаций, мотивированных иной реальностью. Даша-2, Шестун-2 – именованья героев-двойников командира корабля Андрея Шестуна и специалиста по измерениям Даши Рыбачук. Раздвоение позволило героям, которых связывает серьезное чувство, спастись во время схватки с роботами. Данный фантастический прием, органично вписавшись в художественную ткань произведения, утверждает силу любви, которой покоряется даже Космос.

Кроме этого, в повести А. Геращенко «Паутина Циолковского» мы обнаружили «безымянные» именованья в фор-

ме номенклатуры: **М1, М2, М3**, именующие новейшее поколение электронных роботов. Интересным представляется объяснение мотивации своих именованый роботами: «Для нас нет никакой разницы в том, как мы называемся – М2А, как я, или, например, Петр или Джон. Первое даже лучше, потому что в моем процессоре заложены серия, номер, а теперь и очередность моей личной модификации. А шифровать все это в режиме «Петр» или «Джон» гораздо сложнее. Да и ни к чему. Это вы, люди, вкладываете во все эмоциональную окраску. У нас ничего этого нет [4]. Даже если допустить, что в будущем подобные машины будут существовать, такие рассуждения робота не представляются нам достоверными в силу их «человечности», однако суть основного различия между роботом и человеком понятна: во все, чего бы ни касался человек – в данном случае именованый, – он бессознательно вкладывает собственное отношение.

В фантастической прозе Э. Скобелева (рассказ «Два дня свободы») нами были выявлены случаи безымянности, характеризующие людей будущего как лишенных индивидуальности субъектов: ПК-183907, БЖ-807333 («мужчины») и ИЖ-200201 («женщина»). Действие рассказа разворачивается в далеком будущем во Всемирном Государстве, где люди, из поколения в поколение теряющие историческую память, превращаются в винтики, функционирующие по установленным правилам [6, с. 245].

Таким образом, в фантастических произведениях А. Геращенко, Э. Скобелева, Е. Поповой выявляется еще одна ипостась безымянности как неимения имени – отсутствие индивидуальности.

Необходимо отметить, что рассмотренные случаи именованый ирреальных персонажей (персонифицированных образов) некоторые исследователи рассматривают более узко и относят к фиктонимам (от лат. «fictio» – нечто несуществующее, видимость) – разновидности окказиональных литературных антропонимов, созданных без учета специфики национальной ономастики [7, с. 67]. По нашему мнению, обе трактовки не противоречат друг другу: категория безымянности в широком смысле представляет

собой все метаморфозы именованья на шкале номинации от собственно имени до отсутствия такового.

В прозе В. Казакевича, характеризующейся «всеобщим одушевлением», мы обнаружили интересный эпизод, где категория безымянности выступает в роли способа именованья любимого домашнего питомца – кошки: Никакого имени мы кошке не дали. Все называли ее просто – кошка. *Было в этом что-то бессознательно-правильное.* Кошка, которую называют просто кошкой, существует как бы в единственном экземпляре, не имея себе подобных. *Возможно, в ее безымянности скрывался и намек на ее особое положение в доме: разделяя с нами общую жилплощадь, она принадлежала совсем другому, ускользающе недоступному миру [5, с. 42]. «В мерном кошкином урчанье» маленькому герою «слышался полусонный рассказ о беззвучных странствиях по теплой солнечной земле, о схватках с громадными оглушительными собаками, о встречах с несъедобными колючими ежами, об охоте на прыгучих вкусных воробьев, о свободе, о принадлежности никому и ничему в нескончаемом мире» [там же, с. 44].* Интересно отметить, что у В. Казакевича, как и в прозе А. Андреева, безымянность как смысловая и художественная категория оказывается тесно связанной с иным, свободным (в т.ч. в силу неподвластности сознанию и воле человека) миром. Таким образом, безымянность способна стать маркером инобытия (термин Гегеля) – другого, метафизического существования персонажа.

По мнению ученых, безымянности в художественном тексте присущи те же функции, что и имени. В частности, Д. Лампинг выделяет иллюзионизирующую функцию имени, состоящую в способности ИС создавать и поддерживать иллюзию реальности вымышленного мира. Представляется, что категория безымянности семантически идет дальше: в нереальном, но тщательно имитирующем реальный мир текстовом пространстве она способна конструировать еще один мир, являющийся ирреальным по отношению к нему. Вновь созданный мир, существующий параллельно с исходным художественным, является «нереальным в нереальном». Эти миры, отражаясь друг в друге, преломляются, искривляются –

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

возникает эффект зазеркалья. Таким образом, представляется возможным выделить еще одну функцию безымянности в художественном тексте – метаиллюзионизирующую.

К феномену безымянности мы относим и номинации-идентификаторы персонажей, образованные путем онимизации апеллятивов, выявленные в идиостиле Е. Поповой. Среди данных номинаций мы выделили следующие семантические группы: 1) внешний признак человека: Коренастый, Длинный, Седой; 2) род занятий, профессия: Поэт, Главный режиссер, Прима, Бухгалтер, Вахтер, Новый Вахтер; 3) социальное положение, должность: г-н Шульц, Директор; крупный чиновник Ф-о; 4) родственные отношения (именование построено по модели «апеллятив (сущ. в им.п.) + антропоним / онимизированный апеллятив (сущ. в род.п.)»): жена Угорацкого, *жена Бухгалтера, муж Нины Лапсердак, жена Яши Гинзбурга* и др. Подобные номинации подчеркивают безликость персонажа, суть которого заключается в единственном характеризующем признаке, мотивировавшем его именование (например, главные режиссеры умны, амбициозны, деспотичны, примы – талантливы, ветрены, избалованны, эгоцентричны и т.д.).

Языковая репрезентация безымянности тесно связана с ее полифункциональностью. Чаще всего она репрезентируется в развернутых контекстах и выражается существительными с местоименными и / или адъективными идентификаторами (мой дорогой друг), классическими именованями-шифрами (господин N), прозвищами (Будда, Zero). Особую роль играют стилистические средства: эпитеты (добрейший, вполне добропорядочный), перифразы, деминутивные формы, а также художественные приемы литературной реминисценции (работник Балда).

Таким образом, безымянность – художественный прием имяупотребления, сложное, семантически неоднородное лингвистическое явление, которое служит своеобразным приемом именованья персонажей и создания художественных образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Легкий мужской роман : романы / А. Андреев. – Минск : Макбел, 2006. – 296 с.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

2. Андреев А. Пустота : повесть / А. Андреев // Новая Немига литературная. – 2012. – № 2. – С. 11–45.
3. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста : моногр. / Н.В. Васильева. – М. : Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.
4. Геращенко А. Паутина Циолковского, или Первая одиссея Мира : повесть / А. Геращенко [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим **доступа** : <http://www.proza.ru/2009/11/11/1049>. – Дата доступа : 19.05.2012.
5. Казакевич В. Охота на майских жуков : повесть / В. Казакевич. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 188 с.
6. Скобелев Э. Рассказы разных лет / Э. Скобелев. – Минск : Маст. літ., 2004. – 342 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / редкол. : А.П. Сковородников (отв. ред.) [и др.]. – М. : Флинта, 2005. – 480 с.